

выделяется и особым образом маркируется одна именная группа, то она может при своем кодировании склеиваться с гиперролью Актора или Фактитива (этому способствует, в частности, наличие статистически достоверных корреляций между коммуникативными статусами и ролевыми характеристиками, например связь определенности с ролью Агенса). Такое склеивание исторически приводит к тому, что возможна такая ситуация, когда гиперроль Актора или Фактитива приобретает синтаксический статус: перестав быть семантически однородной, она формализуется, вследствие чего начинает фигурировать в составе или в условиях применимости тех или иных синтаксических правил, например, кореферентного опущения именных групп, сочинительного сокращения, образования относительного предложения, рефлексивизации и т. д. Такова судьба гиперроли Актора в большинстве индоевропейских (аккузативных) языков, являющейся тем, что называется в этих языках подлежащим (субъектом).

Когда скоро подлежащее накладывает формальные ограничения на построение предложений, возникает необходимость создавать средства преодоления этих ограничений. Наиболее радикальным является формирование залоговых трансформаций, продвигающих имена с другими семантическими ролями в позицию подлежащего (таков, например, пассив). Тем самым подлежащее в еще большей степени теряет свойство гомогенной семантической мотивированности, поскольку оно уже связано не только с ролью Актора, но и с другими (окказионально приобретающими кодирующую технику Актора) ролями²⁴. В этом случае мы имеем дело с синтаксической аккузативностью.

Возможно амальгамирование с некоторым коммуникативным статусом гиперроли Фактитива и включение его в систему правил синтаксического компонента, что приводит к появлению трансформаций, продвигающих в позицию Фактитива имена с нетипичной для нее семантической ролью. В таком случае также целесообразно говорить о подлежащем, но связанном с синтаксической эргативностью. К синтаксически эргативным можно отнести языки дирбал и аляторский²⁵.

Итак, синтаксическая аккузативность/эргативность связана с (частичной) утратой мотивированного способа кодирования семантических ролей и использованием имеющегося в технике кодирования противопоставления для выдвижения некоторой гиперроли в статус главного, центрального именного компонента предложения.

Исходя из предыдущего, можно представить себе такую систему, в которой семантическая эргативность сочетается с синтаксической аккузативностью (так называемая *split ergativity* — расщепленная эргативность)²⁶ и наоборот. Более того, аккузативный/эргативный способ кодирования может утратить свою семантическую мотивированность и не приобрести синтаксического статуса. В этом случае можно говорить о морфологической эргативности/аккузативности (в качестве рудиментарного примера морфологической эргативности можно привести следующий факт русского языка: кодирование подлежащего и прямого дополнения родительным падежом в контексте отрицания в некоторых контекстах: *о т в е т а не приходило, не получил о т в е т а, о т в е т а не получено*).

9. Итак, разнообразие синтаксических типов предопределяется следующими факторами: 1) способом кодирования актантов предиката, свя-

²⁴ Так, неоднократно указывается, что подлежащее по происхождению — грамматикализованная тема (см., например, *Li C., Thomson S. Op. cit.*).

²⁵ О синтаксической эргативности см. *Кибрик А. Е.* Уникальны ли синтаксические эргативные языки? Тезисы XIV Международного тихоокеанского конгресса. Хабаровск, 1979.

²⁶ См., в частности, *Comrie B. Ergativity.* — In: *Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language*. Ed. by Lehman W. Austin and London, 1978, p. 350.